

Леся
ЛУГОВАЯ

Не говори мне
ПРАВДУ

Леся Луговая

Не говори мне правду

<https://litres.ru/74313108>

Аннотация

Они встретились на парковке бизнес-центра. Он – владелец компании, привыкший к безоговорочному подчинению. Она – новый менеджер с глазами загнанного зверька и обручальным кольцом. Максим нарушил два главных правила за день: не трогать сотрудников и не связываться с замужними женщинами. Но он не знает самого важного: ее брак – лишь фасад, скрывающий десятилетиями копившуюся боль.

Милана научилась лгать раньше, чем говорить правду. Ложь стала ее защитой, убежищем и единственным оружием против тех, кого по закону считала своей семьей. Она уже однажды сбежала из ада, инсценировав собственную смерть. И когда Максим вторгается в ее новую, хрупкую жизнь с требованием честности, она продолжает защищаться. Ведь правда может как убить, так и спасти.

Содержание

Часть первая. Глава первая	4
Глава 2	20
Глава 3	25
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	50
Глава 7	59
Глава 8	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Часть первая. Глава первая

Он не понимал, что держит его здесь уже седьмую минуту. Семь минут, которые растянулись в вечность. Он, Максим Андреевич Белов, генеральный директор крупной компании, человек, чье слово — закон для сотни подчиненных, сидел в своей машине и пялился на нее, как нашкодивший школьник на витрину с новеньким телефоном. Ничего особенного, твердил он себе. Обычная девушка. Синий пуховик небрежно накинут на плечо — фигуру толком не разглядеть, но угадывается точеная. Черты лица правильные, даже скучные. Можно сказать, симпатичная, но таких в каждой второй маршрутке по три штуки. Русые волосы безжалостно стянуты в тугий пучок на затылке. Глаза? С такого расстояния не разобрать. Мозг услужливо перебирал эти сухие, безжизненные факты, пока его хозяин занимался самосожжением — мысленно, конечно, но от того не менее болезненно.

В планах на сегодня — куча незакрытых дел после двухнедельной командировки в Питер. Складские отчеты, контракты на подпись, звонок логистам. Нужно просто выйти из машины, подняться в офис и разобрать эти завалы. Но он сидел, вцепившись пальцами в руль, и не мог оторвать взгляд. Почему она меня зацепила? Или это со мной что-то не так?

Девушка стояла у центрального входа — традиционного места притяжения курильщиков, хотя сама даже не держала

сигарету в руках. Рядом с ней, активно жестикулируя дымящейся сигаретой, что-то эмоционально вещала Карина Александровна, их вечно недовольный менеджер по продажам. А он, которого боятся конкуренты по всему СНГ, ловил каждое движение этой незнакомки. Вот она медленно, словно нехотя, поворачивает голову в его сторону, смотрит прямо на тонированное стекло его машины.

Ему было плевать, что его могут заметить. Тонировка плотная, расстояние приличное — снаружи ничего не видно, но внутри все оборвалось.

Карина бросила окурок в урну, сказала что-то на прощание и похлопала девушку по плечу. Та улыбнулась в ответ. И эта улыбка — с ямочками на щеках — предназначалась ему. Ему одному. Девушка развернулась и скрылась за стеклянной дверью офиса. А он остался сидеть, оглушенный и взбудораженный. Как так вышло? Неужели она все видела?

Включилась привычная холодная аналитика. Раз зашла в здание — значит, здесь работает. Посторонним вход в бизнес-центр запрещен, пропускная система. Карина не стала бы тратить время на пустые разговоры с посторонним человеком. Вакансии? Перед его отъездом открыта позиция менеджера по экспорту в отдел текстовых разработчиков, и больше ничего. Память услужливо подсказала анкету, которую он в спешке подписал перед отлетом.

Стоп. «Сопли распустил, — мысленно скомандовал он себе. — Работе мешаешь. Выкинь ее из головы и ставь точку».

Он никогда не смешивал личное и работу. Это железный закон, табу, нерушимая граница. Но внутри что-то противно, настойчиво скреблось, и он уже знал, что сейчас совершит роковую ошибку.

Поднявшись на третий этаж, он первым делом схватил внутренний телефон.

— Добрый день, Максим Андреевич! — пропела Карина Александровна из отдела кадров, услышав его короткое «Здравствуйте».

— Добрый. Вы кого-то брали на работу на позицию менеджера по экспорту после моего отъезда? — спросил он сухо, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри все кипело адской смесью любопытства и тревоги.

— Да! Нам невероятно повезло, отличный специалист с хорошими рекомендациями. Милана Сергеевна Соколова. Работает вторую неделю. Очень интеллигентная, спокойная девушка, сразу влилась в коллектив.

Она. Милана. Красивое имя.

— Кого-то еще? — на всякий случай уточнил он, хотя уже знал ответ.

— Нет, больше никого. Только она.

Значит, точно она. Решение должно быть очевидным —

позвонить в отдел кадров и уволить. Сию секунду. Пока это наваждение не зашло слишком далеко. Но эта девушка уже успела въестся в его мозг за те несколько минут, что он на нее пялился. Логика дала сбой.

— Подготовьте мне ее личное дело, — бросил он и тут же набрал службу безопасности, добавив: — Новый сотрудник — полный файл на Соколову Милану Сергеевну.

Через три минуты перед ним лежала коричневая папка с ее именем. Имя красивое. Он открыл — и вот она, смотрит с фотографии широко распахнутыми голубыми глазами. Он заставил себя оторваться от ее лица и пролистал страницы. Обычная биография: школа, университет, курсы, скучные рекомендации с прошлых мест работы. Ничего выдающегося. Но когда его взгляд зацепился за одну короткую деталь, он едва не сбросил папку на пол. Рука дрогнула.

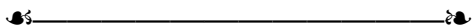
Вторая ошибка — он уже не мог остановиться. Ему нужно было увидеть ее снова. Посмотреть в эти глаза вживую, а не на глянцевой фотографии.

— Каролина Дмитриевна, пригласите ко мне нового менеджера по экспорту, — сказал он референту, стараясь, чтобы голос звучал максимально равнодушно.

Вскоре Милана вошла и села напротив, осторожно, как птичка, которая боится, что клетка захлопнется. А на столе все еще лежала раскрытая папка. И на цветном фото, которое он изучал минуту назад, была она. Глаза действительно оказались голубыми — яркими, почти прозрачными. И еще

одна деталь, от которой у него все оборвалось внутри: в графе «семейное положение» жирным шрифтом стояло «замужем».

У него есть два принципа. Первый — никогда не смешивать личное и работу. Второй — не связываться с замужними женщинами. Это слишком больно, слишком грязно и слишком опасно. Но ради этой девушки он был готов плюнуть на все.

«Все! — в который раз мысленно поклялась Милана, возвращаясь на рабочее место после перекура. — Карина, в последний раз ты уговорила меня выйти на эту проклятую улицу».

Сил не было от слова «совсем». Она пыталась сосредоточиться на вчерашних документах, но взгляд то и дело предательски возвращался к окну. Тот самый автомобиль: черный, хищный, с тонированными стеклами. Милана узнает его из тысячи. Она вообще мало что понимает в машинах, но эту модель ее муж, Никита, обожает до дрожи. Как маленький ребенок, честное слово. Даже заставка на домашнем ноутбуке — черный «зверь» на фоне кровавого заката.

И вот этот «зверь» стоит на парковке у ее нового места работы, и сердце колотится как бешеное. Ничего плохого не должно случиться. Ее утвердили неделю назад, обошла еще пятерых кандидатов. Работа нравится — спокойная, размеренная, в основном бумаги и звонки. Коллектив нормаль-

ный, девушки приветливые. Но нервы все равно на пределе. Зачем она вообще согласилась на этот перекур? Сидела бы за столом и не дергалась.

— Милана, — отвлек ее звонок коллеги, — Максим Андреевич тебя вызывает!

— Эм... — Милана лихорадочно перебирала в голове ФИО начальства. В первый день от обилия информации у нее шла кругом голова. Она запомнила только тех, с кем работала напрямую: Соню, Карину из кадров, водителя Матвея. — А это кто? — переспросила она тихо.

Повисла гробовая тишина. Семь пар женских глаз уставились на нее с немим ужасом. Милана почувствовала, как к лицу приливает жгучая краска стыда. Соня, сжавшись над ней, прошептала одними губами:

— Генеральный директор наш.

Вопрос «Почему он меня зовет?» застрял в горле комом отчаяния. Ну как, как можно было забыть имя и должность генерального директора? Идиотка! Милана медленно поднялась из-за стола, чувствуя, как горят щеки.

Поднимаясь на третий этаж по широкой лестнице, она пыталась нащарить в памяти хоть какие-то крупницы информации об этом человеке. Имя — Максим Андреевич. Все. Больше ничего. Впервые в жизни она пожалела, что не интересуется офисными сплетнями. У дверей приемной ее уже поджидала личная секретарша генерального, Каролина

Дмитриевна Воронцова.

— Милана, наконец-то! — выдохнула Каролина, хватая ее за локоть и подталкивая к двери. — Ты такая медленная. А Максим Андреевич ненавидит ждать.

— Стоп, — Милана притормозила и уставилась на секретаршу. — Что значит «неневидит ждать»? В каком смысле?

— Милана, — Каролина загадочно улыбнулась, — в каком бы настроении он ни был, он всегда справедлив. Ты, главное, не бойся и говори правду. — С этими словами она, не постучавшись, открыла дверь в кабинет.

Робко, считая каждый свой шаг, Милана вошла. Раз, два, три... дверь за спиной мягко закрылась. Четыре, пять, шесть... глухой стук ее каблучков по паркету казался ей оглушительным. Семь — она подняла глаза на человека за столом и замерла.

Мужчина, сидящий напротив, не был писанным красавцем с глянцевых обложек. Обычный, казалось бы. Но было одно огромное «но», перечеркивающее всю эту обыденность, — животный, первобытный магнетизм. От него исходила такая сила, такая давящая энергетика, что по коже Миланы побежали мурашки, а внизу живота разлилось липкое, тягучее тепло, которого она никогда не испытывала рядом с мужем.

Когда он наконец соизволил поднять на нее глаза, Милане показалось, что через нее пропустили тысячу вольт. Мужчи-

на медленно, с ног до головы, осмотрел ее, задержался взглядом на лице, спустился к губам. Она была уверена — он видит, как она мелко дрожит. Видит прикушенную от волнения нижнюю губу, расширенные зрачки. И судя по тому, как опасно сжались его челюсти, ему это совсем не нравилось. Но она не могла отвести взгляд. Он — тоже.

А потом он открыл рот и ледяным, режущим тоном отчеканил:

— Вы уволены.

В глазах зашипало от обиды и полнейшего непонимания. Милана резко развернулась, чтобы выбежать вон, но только взялась за ручку двери, как та с оглушительным грохотом захлопнулась обратно. По обе стороны от ее головы уперлись в дверь его сильные руки. Сзади, почти вплотную, но не касаясь, замерло его массивное тело. Жар, который она чувствовала минуту назад, усилился в десять раз. Она замерла, боясь даже дышать. Горячее дыхание коснулось ее шеи, и стоя бешеных бабочек заметалась где-то в животе. Из горла вырвался произвольный тихий стон.

В тот же миг Максим Андреевич впился поцелуем в ее шею, одновременно приподнимая ее и прижимая к себе. Реальность куда-то улетучилась, словно ее разорвало на куски. Остались только ощущения: его тело сзади, горячее, надежное; влажный след от поцелуя на коже; медленное скольжение языка вверх, к мочке уха; и хриплое дыхание, жадно

втягивающее ее запах. Молниеносное движение — и вот он уже держит ее за подбородок, заставляя повернуть голову и посмотреть ему прямо в глаза. Такого голода, такой дикой, первобытной жажды она не видела ни у кого за всю свою жизнь.

Милана попыталась отступить, упереться рукой ему в грудь, но он грубовато-нежно обхватил ее бедра, приподнял над полом и прижал к себе. Его возбуждение было очевидным. И именно оно стало спусковым крючком для паники, которая начала накрывать ее с головой, сменяя первобытное желание животным страхом.

— Отпусти, — прошептала она осипшими губами. Ноль реакции. — Отпусти меня, — уже громче, вкладывая в голос всю сталь, на которую была способна, и упираясь обеими руками ему в грудь.

Игнорирование. Он просто смотрел. Этот взгляд снова прострелил разрядом электричества в живот.

— Отпусти, отпусти, отпусти! — она начала судорожно вырываться, и он... отпустил. Точнее, резко оттолкнул от себя, как надоевшую кошку.

Дверь спасения осталась за его спиной. Только когда ее дыхание немного выровнялось, она услышала резкое, командное:

— Садись.

Милана удивленно подняла глаза — лицо Максима было спокойным, даже равнодушным. Глаза пустые, словно выключили свет, будто минуту назад ничего не происходило. Пока она хлопала ресницами в полном недоумении, он начал терять терпение.

— Я сказал: садись. Не там. За стол.

Она быстро, как нашкодившая собака, переместилась в кресло для посетителей по ту сторону стола. Максим спокойно сел в свое кожаное кресло, откинулся на спинку и сложил руки в замок.

— Надеюсь, ты умница и понимаешь, что только что произошло, — его бесстрастие ставило в тупик.

— Я понимаю, что больше не работаю на вас, — выдавила Милана, пытаясь поставить его на место и хоть как-то вернуть себе контроль. — И не понимаю, о чем этот разговор.

— Ты работаешь на меня. Я передумал тебя увольнять.

— И часто вы так меняете решение за одну минуту?

— Нет, никогда. Но у Карины Александровны очень хорошее мнение о вас. Она давно никого так не хвалила. Поэтому мы забудем о небольшом инциденте, который произошел между нами. И он больше не повторится.

Милана пыталась понять суть монолога Максима, но движение его губ не позволяло сосредоточиться. На одно короткое мгновение она представила, какие ощущения эти губы могут дать, и невольно облизала верхнюю губу.

— Прекрати немедленно! Я не железный! — неожиданный рык заставил ее подскочить со стула и отшатнуться обратно к двери. — Милана, хочешь, я снова тебя догоню? — он откинулся назад и усмехнулся.

Господи, как у человека может так быстро меняться настроение? Нервы были на пределе.

— Максим Андреевич, при всем уважении, я не смогу работать в вашей компании. Мне кажется, это очевидно, — получилось спокойно и рассудительно. Милана мысленно похвалила себя за выдержку.

— Вы решили вернуться к роли домохозяйки? Будете тратить еще несколько месяцев на поиски новой работы, пока ваш муж будет таскать вас по собеседованиям?

Что за чушь? Он что, издевается?

— Это не ваше дело. И уж точно не вам меня судить.

Максим подался вперед, положил локти на стол, снова сцепил пальцы замком. Кончики вытянутых указательных пальцев касались его губ, слегка постукивая по ним. Глаза изучали ее, раздевали, сканировали. Как будто он думал,

как правильно объяснить ребенку, что Деда Мороза не существует. Ничего хорошего она сейчас не услышит.

— Знаешь, в чем дело, Милана? У меня есть два принципа, которые я не нарушал никогда. Начало многообещающее, правда? — он усмехнулся собственной иронии. — Первый: я никогда не смешиваю работу и личные отношения. Так что, если ты уйдешь сейчас, я сохраню принцип в чистоте. Но в ситуации с тобой я готов плюнуть на свой второй принцип — не связываться с замужними. И сама понимаешь, долго сопротивляться и ты не сможешь. Я это вижу. Чувствую. Ты хочешь меня так же, как я тебя. Мы поняли друг друга? — нажал он, не оставляя ей пространства для маневра.

— Да, — вырвалось хрипло, почти беззвучно.

Его левая рука отцепилась от правой и медленно подтолкнула папку с личным делом Миланы к ее стороне стола.

— По доброте душевной отнеси это охране, пусть положат на место.

На автомате она попыталась сдвинуть папку к себе, но пальцы Максима все еще прижимали бумаги к столу. Милана опустила глаза — в центре папки ее имя. Девушка удивленно посмотрела на генерального директора, потом снова на папку, потом на него. Он ее изучил. Все знает. Про Никиту, про их адрес, про ее прошлые места работы.

— Иди работай, — аудиенция была окончена.

Первым делом она побежала в туалет — привести себя в порядок. Бледное, испуганное лицо, красные пятна, спускающиеся на шею. Обычная реакция ее тела на нервное напряжение. Холодная вода из-под крана должна помочь. Но так легко не избавиться от этих горящих желанием глаз. Максим смотрел на нее так, как никто и никогда смотрел. Господи, что это было?

Папка. Ее резюме с фотографией. Дальше подробная информация о ней, потом о Никите — муже. Работа службы безопасности была качественной, но не глубокой. Милана отнесла папку куда велели, убедилась, что у каждого сотрудника примерно такое же досье. Почему такая подробная информация? Компания не маленькая, но и не такая огромная. У гендиректора паранойя? Голова раскалывалась от переизбытка мыслей и эмоций. Сославшись на внезапное обострение гастрита, она попросилась домой.

Милана села в первую попавшуюся маршрутку, даже не посмотрев номер. Свободные места были только в хвосте, у открытого окна. Она плюхнулась на продавленное сиденье, сжалась в комок и уставилась в мутное стекло. Город плыл мимо, а она ничего не видела. *Что это было?*

Она провела дрожащей ладонью по шее — там, где несколько минут назад (вечность назад!) прикасались его губы. Кожа была влажной, но не от пота — от его дыхания, от его языка. Девушка все еще чувствовала этот жадный, соб-

ственнический укус.

Я чуть не закричала. Или застонала? Господи, я застонала!

Милана зажмурилась, и перед глазами снова вспыхнула картина: его руки по обе стороны от ее головы, его тело в миллиметре от ее спины, его дыхание на шее. И тот самый момент, когда он приподнял ее и прижал к себе, она почувствовала его возбуждение даже сквозь плотную ткань брюк. Это было так неприлично, так неожиданно, так... дико.

Он женат? — промелькнула шальная мысль. — Нет, какая разница, я замужем!

Девушка вцепилась ногтями в обивку сиденья. Никита, ее муж. Добрый, заботливый, красивый Никита. Который никогда не смотрел на нее так, как этот незнакомец с волчьими глазами. Который никогда не заставлял ее сердце биться с такой бешеной скоростью. Который... который был безопасным. А этот Максим — он был опасен, смертельно опасен. И от этого она хотела его еще сильнее.

Идиотка! — одернула она себя. — Он сказал «ты уволена», потом передумал, потом прижал к двери и... что это вообще было? Провокация? Проверка на прочность? Или он просто псих?

Милана вспомнила ледяное, пустое лицо Максима, когда он сел за стол. Словно минуту назад не он целовал ее шею, не он прижимал ее к себе, словно она все выдумала.

А может, выдумала? — мелькнула сумасшедшая надеж-

да. — *Может, у меня тепловой удар? Может, мне показалось?*

Но нет. Пульс до сих пор отбивал где-то в горле, между ног было влажно и горячо, и она боялась пошевелиться, чтобы не усилить это неприличное, мучительное ощущение.

Маршрутка дернулась на светофоре, и Милана чуть не упала с сиденья. Она схватилась за поручень и тут же отдернула руку — пальцы все еще дрожали.

Как я теперь буду с ним работать? — паника накрыла с новой силой. — Как я буду смотреть ему в глаза? А он будет смотреть на меня? И что он хочет? Просто переспать? Или это какая-то игра?

Она не знала. Она ничего о нем не знала. Только имя — Максим Андреевич Белов, и то, что он ее начальник. И то, что он одним движением, одним взглядом, одним прикосновением разрушил все, что она считала собой.

Я не должна этого хотеть, — прошептала она про себя, чувствуя, как слезы обиды и стыда подступают к глазам. — Я не должна. Я замужем. Я люблю Никиту. Я...

Милана не додумала мысль, потому что врать себе, сидя в грязной маршрутке, было бы слишком жалко. Она хотела. Она хотела этого мужчину так, как никогда не хотела Никиту. И это знание разрывало ее изнутри, как бомба замедленного действия.

Когда она наконец добралась до дома, скинула пальто прямо в прихожей, прошла в спальню и рухнула на кровать ли-

цом в подушку. Из горла вырвался сдавленный, отчаянный звук — не то плач, не то смех.

Что я наделала? — билась в голове единственная мысль. — Что он со мной сделал? И что теперь будет?

Девушка повернулась на спину и уставилась в потолок. Перед глазами снова появилось его лицо — спокойное, равнодушное, почти скучающее. И в то же время с этим бешеным, голодным огнем в глазах, который он прятал за маской.

Он играет, — поняла она вдруг. — Он играет со мной, как кошка с мышкой. А я... я уже в мышеловке.

И самое страшное — она не хотела вырываться.

Глава 2

— Милана! Что случилось? Ты весь вечер из комнаты не выходишь. Заболела? — Никита заглянул в спальню, встревоженный, с чашкой горячего чая в руках.

Он был красив — той породистой, почти журнальной красотой, от которой женщины на улице оборачивались и долго провожали взглядом. Высокий, темноволосый, с правильными чертами лица и добрыми глазами. Идеальный мужчина. Но Милана уже давно смотрела на него как на родного, но абсолютно чужого человека. Четыре года брака, из которых последние два — сплошные скука, рутина и тишина там, где должна быть страсть. Он был нежен, заботлив, идеален на бумаге: хорошая работа, стабильный доход, собственное жилье. Но между ними не было искры. Никогда не было. А теперь появилась другая — опасная, запретная, пугающая, и Милана не знала, как с этим жить дальше.

— Нет, — она попыталась выдавить улыбку и натянула одеяло до подбородка. — Все нормально. Просто знакомство с новым руководством вымотало. Там такая атмосфера... Ты не представляешь.

— Я уже сто раз говорил: тебе не нужно работать. Мы прекрасно живем на мою зарплату. Отдохни, займись собой, найди хобби.

— Никита, прекрати, пожалуйста. Я и так сижу на твоей шее почти четыре года. Мне душно. Больше не могу. И долги я верну, надеюсь, скоро, как только выйду на полный оклад.

— Милана, хватит об этом. Мне ничего не нужно возвращать. Ты моя жена, а не квартирантка.

Никита приблизился и поцеловал ее в макушку. Такой родной, такой правильный, такой предсказуемый. И от этого становилось только хуже. Потому что внутри, глубоко, ворочалось другое — темное, жадное, дикое, тянущееся к мужчине, которого она боялась даже мысленно представить. К Максиму — тому, кто за минуту превратил ее жизнь в хаос.

— Иди, — сказала она мягко, отстраняясь. — Тебя друзья ждут, я слышала, как ты с ними по телефону говорил. Не задерживайся из-за меня.

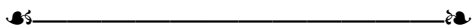
— Точно не грустишь? — он внимательно посмотрел на нее.

— Точно. Я побуду одна. Мне нужно подумать.

— Не грусти, — он вышел из комнаты, и через минуту хлопнула входная дверь.

Милана осталась сидеть на широком подоконнике, глядя в темное окно на падающий снег, и понимала, что стены, ко-

торые она долго строила — с тех пор, как выбралась из той жуткой истории, о которой никогда не говорила вслух, — начинали трещать. Трещать по швам, грозя обрушиться и похоронить ее под обломками.

Уже неделю Максим горел. Горел так, что по ночам просыпался в холодном поту, а днем не мог смотреть на других женщин. Они перестали для него существовать. Все, до единой. Только она. Милана. Он видел ее всего дважды — у входа и в кабинете. Дважды! А потом она начала виртуозно, мастерски, профессионально избегать его. И от этого желание только росло, разрасталось, как опухоль, отравляя все его мысли.

Сначала он убеждал себя, что ее реакция в кабинете — игра. Эти обиженные глаза, что медленно наполнялись слезами. Ее тихий, непроизвольный стон, который снес ему крышу. Но сейчас, после недели наблюдений, он понимал: она не играла. Милана боится по-настоящему, как затравленный зверек боится удава. И это бесило его еще больше. Он не привык, чтобы его боялись. Ну, боялись, но по-другому — подчиненные, конкуренты, враги. А здесь был животный, дикий ужас, смешанный с таким же животным вождением. Это сводило с ума, лишало сна и аппетита.

«Как ей удастся так долго меня избегать?» — подумал Максим, входя в конференц-зал на еженедельную планерку. Его появление вызвало легкое недоумение — последний раз

он удостоивал эти собрания своим присутствием почти год назад. Рядом с Миланой, как назло, оказалось единственное свободное место. Он занял его, не глядя по сторонам. Девушка побледнела, как полотно, потом медленно, некрасиво, с шеи до корней волос покраснела. Рука с карандашом мелко-мелко дрожала. Она нервничала. Нет, она снова хотела его. Максим готов был поклясться всем, что у него есть, что чувствовал запах ее возбуждения, тонкий, едва уловимый, сквозь запах кофе и дорогой парфюм.

Он заказал себе кофе, который Каролина принесла через минуту. Милана внезапно схватила секретаршу за локоть.

— Принесите воды, пожалуйста, — прошептала она пересохшими губами.

Каролина поставила стакан с водой прямо между ними. Милана не брала его, боясь лишний раз пошевелиться. Тогда Максим сам взял стакан и осушил его наполовину, чувствуя, как она смотрит на его губы, на то, как движется его кадык. Это было невыносимо. Пытка. Искушение.

Спасение пришло неожиданно. На столе Миланы зажужжал телефон. На экране высветилась фотография очень красивого мужчины — ее мужа. Имя контакта: «Никита♥#».

Внутри Максима что-то оборвалось с противным хрустом. Слепая, дикая, беспомощная ярость захлестнула его с головой. Она принадлежит другому — не ему. И никогда не будет принадлежать, если он не сделает что-то радикальное,

безумное.

Максим резко встал из-за стола, перехватил Милану у двери, когда она попыталась выскользнуть из зала с телефоном в руке.

— Сидеть на месте, — приказал он таким тоном, что никто в зале не посмел даже пикнуть. — Личные звонки в рабочее время — потом. Есть субординация.

Девушка села, опустив глаза в пол, вся сжавшись. В комнате стояла звенящая тишина, нарушаемая только шумом вентиляции. Все свидетели этой сцены боялись дышать, боялись пошевелиться. Максим махнул рукой, не глядя ни на кого:

— Все свободны, кроме вас, Милана Сергеевна.

Когда за последним сотрудником закрылась дверь, он выпалил то, что вертелось на языке все эти минуты, часы, дни. Ту самую глупую, абсурдную, немыслимую мысль, которая оформилась в его голове после того, как он увидел имя «Никита» на ее телефоне. И сразу пожалел. Но было поздно. Слово не воробей.

Глава 3

Милана смотрела на него в немом шоке. Ей показалось? Или он действительно это сказал? Максим сканировал ее взглядом, гипнотизируя, прожигая насквозь, ожидая ответа. Так и есть — сказал. С таким ленивым, невозмутимым лицом, будто предложил ей обсудить квартальный отчет. Господи! А ведь она пыталась его понять. В какой-то извращенной, больной логике это даже имело смысл.

У них не могло быть нормальных, человеческих отношений — слишком много «но». С одной стороны, ее замужество, страх перед чужими языками и репутация, которую она выстраивала годами. С другой — прошлое, которое держало ее за горло мертвой хваткой, не позволяя дышать иначе, как урывками, вполсилы. Звонок Никиты стал тем самым спусковым крючком. Спасибо, муж, подставил. Вовремя.

— Назови свою цену, — мягко, почти ласково произнес Максим.

Занавес. У нее не было слов. Язык прилип к небу, мысли разбежались, как тараканы от света.

Максим тяжело вздохнул, поняв, что ответа не дождется, и наконец отпустил ее руку, которую сжимал все это время, даже сам не замечая. Давление было колоссальным — во всех смыслах.

— Милана, тебе так трудно ответить на простой вопрос?
— спросил он устало и потер переносицу.

— Я не знаю, что сказать, — выдавила она осипшим голосом.

— Хватит мучить меня своим молчанием. У нас неправильные, ненормальные отношения! — прорычал он с такой болью, что ей стало почти жаль его.

— У нас нет и никогда не будет никаких отношений, — твердо ответила она, собирая остатки воли в кулак.

— Это твой окончательный ответ?

— Да. Считайте это моим ответом. И больше мы к этому не возвращаемся.

Милана чувствовала — почти получилось. Почти — потому что он продолжал сканировать ее взглядом, ища брешь в ее обороне. Тогда она вытащила последний, самый сильный козырь, искренне, глядя прямо в его темные глаза:

— Я люблю своего мужа. Искренне люблю и не собираюсь ему изменять. Ни с кем. Никогда. Уважайте это.

Это было правдой. Только изуродованной, покалеченной правдой. Она любила Никиту не той любовью, о которой пишут в романах, а привычкой, благодарностью за спасение,

страхом одиночества — чем угодно, но не тем жаром, который она чувствовала сейчас, сидя напротив Максима.

Максим поверил. Его тяжелая внутренняя борьба давила даже воздух. Если она правильно поняла его характер, он не станет брать силой то, что ему не принадлежит.

— Иди, — сказал он с пустотой в глазах.

Она решилась:

— Я уволена?

Он горько усмехнулся:

— Убирайся. Если пришла, работай.

Максим снова взял себя в руки, словно надел маску.

— Иди.

Это был намек на то, что пока работа у нее есть. Но надолго ли? Что будет дальше? Милана вышла из кабинета, чувствуя, что только что подписала себе приговор.

Глава 4

Через три дня наступит Новый год. А сегодня — корпоратив. В четверг! Завтра всем на работу в девять утра. Какой же умник это придумал? Мысли лихорадочно прыгали, пока Милана стояла перед зеркалом и трясущимися руками красила ресницы. Сегодня она увидит Максима. Прошло больше недели с момента их последнего разговора в конференц-зале. За это время она видела его всего один раз — утром у входа, короткое «доброе утро» и ее сбившийся, нервный шаг. Чего она ожидала? Что он забудет?

Сначала Милана не хотела ехать на корпоратив. Придумала тысячу отговорок: голова болит, Никита занят, не в чем идти. Но потом честно призналась себе: она хочет его увидеть. Ей просто необходимо посмотреть на него еще раз. Надела любимое синее платье чуть ниже колен, полусапоги на устойчивом каблуке. Обычно она носила большие кофты и джинсы, скрывая фигуру. В приглашении значился «плюс один», но Никита был занят — у него были свои планы на вечер с друзьями, и она не стала настаивать, даже обрадовалась.

Максим пришел с «плюс одной» — очень красивой брюнеткой Алисой Павловной Тришиной — роскошной, ухоженной, с идеальной укладкой и бриллиантами в ушах. Эффектность этой женщины зашкаливала. Милана, сама не

ожидая от себя такой смелости, залпом выпила стопку водки, напиток обжог горло, и закусила лимоном. Плевать на все. Сегодня можно.

Начальник и его спутница сидели в другом конце банкетного зала. Он улыбался, наливал ей вино из тяжелого графина, что-то шептал на ухо. Милана впервые видела его улыбку — расслабленную, настоящую. И она была адресована другой. Ревность обожгла изнутри, добавилась ко всем остальным чувствам: обиде, страху, возбуждению. Она понимала, что не имеет на нее никакого права, но ничего не могла с собой поделать. Через полчаса она была уже пьяна в стельку — водка смешалась с шампанским, и голова пошла кругом. Максим ни разу не посмотрел в ее сторону.

Милана вышла на улицу подышать, вызвала такси через приложение. Села на холодную скамейку у ресторана, растянула пуховик. Алкоголь грел изнутри, было не холодно. Открыла игру в телефоне, чтобы отвлечься от мыслей о нем.

— Можете отменить заказ, если хотите. Я уже в пути, — раздалось прямо над ухом.

Телефон от испуга выскользнул из пальцев и упал в снег. Она дрожащей рукой подняла его и увидела Максима, нависающего над ней. В метре позади него стояла Алиса, удивленно переводя взгляд с нее на Максима и обратно, нервно теребя край своей норковой шубы.

— Я домой, — выдавила Милана, пытаясь подняться.

— Я тебя отвезу, — сказал он таким тоном, что спорить не имело смысла.

— Нет, спасибо, Максим Андреевич. Я жду такси, уже оплачено.

— Ты ждешь уже двадцать минут, — отрезал он, кивнув на телефон. — Я видел, когда ты вышла.

Приятное, обжигающее тепло разлилось по ее телу. Но нельзя оставаться с ним в закрытом пространстве. Тем более пьяной. И куда он денет свою девушку?

— Я не тороплюсь. Подумаю о чем-нибудь хорошем.

— Милана, не заставляй меня тащить тебя в машину силой. Очень не хочется портить вечер, — он начал терять терпение.

— Максим... — попробовала возразить Алиса, но мужчина осадил ее одним ледяным взглядом.

Милана встала, попыталась обойти его по дуге, но Максим грубо схватил ее за локоть и потащил вперед, к припаркованному джипу. Щелчок ключей — и ее практически затолкали на заднее сиденье. Дверь закрылась с глухим стуком. Алиса, поджав губы так, что они превратились в тонкую нитку, села спереди. Максим рванул с места так, что шины

жалобно взвизгнули по асфальту.

Они ехали в сторону, противоположную ее дому. Милана молчала, не глядя в зеркало заднего вида. Остановились у солидной новостройки в центре. Алиса молча вышла, не попрощавшись. Максим подождал, пока ее точенная фигура скроется в подъезде, потом посмотрел на Милану в зеркало. Опять его голодные, безумные глаза. Она дернула ручку — заперто. Детская блокировка.

— Пожалуйста, — прошептала она от полного отчаяния, прижимаясь спиной к другой двери.

Щелчок. Она выскочила из машины, как пробка из шампанского. Хотела бежать куда глаза глядят, лишь бы подальше от него, но не успела сделать и трех шагов — Максим настиг ее, схватил за плечи и развернул к себе. Прижал спиной к горячему капоту машины. Впился губами в ее губы жадно, требовательно, не спрашивая разрешения. Одна рука — на затылке, вторая — на талии. Язык рвано исследует ее рот, смешиваясь с вкусом виски и мяты. Жестко, собственнически.

Милана не оттолкнула. Вцепилась пальцами в его дорогое пальто и ответила на поцелуй. Движения Максима изменились в ту же секунду, стали глубже, отчаяннее, с налетом нежности и безысходности.

Он поднял ее, она автоматически обхватила ногами его талию, руками — его голову, запустив пальцы в короткие волосы. Начала двигаться сама, не контролируя себя, повину-

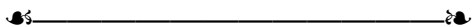
ясь только телу и древним инстинктам. Он застонал ей прямо в губы, ощутимо, до крови укусил ее за нижнюю губу.

— Ты сводишь меня с ума, — хрипло выдохнул он, уткнувшись лбом ей в плечо.

Девушка все еще тянулась за поцелуем, как наркоман за дозой, но он отстранил ее, аккуратно поставил на землю, отступил на шаг. Лбом коснулся ее лба, глядя в мутные, пьяные глаза.

— Милана, садись в машину, пожалуйста, — попросил он очень тихо и нежно, погладив большим пальцем ее скулу. — Я отвезу тебя домой, обещаю.

Она медленно кивнула, не в силах произнести ни слова. Максим помог ей сесть на заднее сиденье, сам закрыл дверь и обошел машину.

Максим схватил горсть чистого снега с крыши соседней машины, растер лицо и шею, пытаясь остудить пожар, бушующий в крови. Набросился на нее как обезумевший подросток на первом свидании. Зря он пил сегодня. Алкоголь и она — опасное сочетание. Нужно отвезти ее домой. Немедленно. Отдать в руки другому мужчине, который законно разделит с ней постель сегодня ночью.

Отвращение к происходящему перекрыло все возбуждение, оставив после себя только слепую, жгучую ревность.

Мужчина сел за руль, внешне абсолютно спокойный, и поехал по знакомому адресу, который выучил наизусть из ее личного дела. У дома Милана вышла, шатаясь. Максим грустно улыбнулся, закурил сигарету, опустив стекло. Света на втором этаже, в квартире девушки, не было. Муж спит или еще не вернулся? Почему она была одна на корпоративе, если у нее есть муж? Он надеялся, что, увидев их с Алисой вместе, он сможет наконец избавиться от этого наваждения. Не вышло, стало только хуже.

В окне зажегся свет, появилась тонкая женская фигура, снимающая пуховик. Увидев, что его машина не уехала, она резко отпрянула вглубь комнаты, задернула штору.

— Мне надо напиться, — сказал Максим пустоте салона и нажал на газ.

Поднявшись в свою двухэтажную квартиру в центре города, Максим в очередной раз подумал, насколько она просторная, чистая и пустая. Он набрал своего друга Тимура Зуева.

— Макс? — раздался сонный голос после третьего гудка. — Ты вообще видишь время? Что стряслось?

— Хочу напиться. Не хочу быть один.

— Ты завтра в Сочи летишь, точнее, уже сегодня через четыре часа.

— Черт! — Максим бросил взгляд на часы. — Совсем забыл.

— Понятно. Где ты?

— Почти дома.

— Скоро буду.

Максим налил виски в два пузатых стакана, выпил их залпом, даже не поморщившись. Через десять минут приехал Тимур, забежав в круглосуточный магазин, чтобы купить еще виски. Бутылка, которую открыл Максим, уже была наполовину пустой. Когда они расправились и с ней, Тимур с трудом добрался до дивана и забрал у друга стакан:

— Что бы ты ни думал, так нельзя. Ты меня понял? Завтра будешь жалеть.

Максим взял сигарету, дрожащими руками прикурил от зажигалки. Пьяными пальцами набрал номер на телефоне. Он не понимал, что делает, и не думал, который час.

— Да? — сонно, удивленно и хрипло ответила она.

— Ты была с ним сегодня? — спросил он напрямую, затаив дыхание и надеясь услышать рядом с ней мужской голос.

Наступила тишина. Было слышно только ее тяжелое, испуганное дыхание. Максим затаился, выдохнул дым в потолок и услышал тихое:

— Нет, — после чего она сбросила вызов.

Глава 5

Лежать было сложно, но физически необходимо. Это был единственный способ держать его на расстоянии — не показываться ему на глаза, не пересекаться в коридорах. Сегодня Милана сломалась. Поддалась желанию, отпустила контроль. Слава богу, что Максиму хватило сил и совести вовремя остановиться. Ее к нему безумно тянет как магнитом, но она не может изменить прошлое. Не может изменить себя. Она не достаточно сильна, чтобы преодолеть все свои страхи.

Милана боялась выходить утром на работу. Было стыдно перед Максимом. За то, что цеплялась за него как ненормальная на парковке. За свой пьяный, бесстыдный стон. За жестокую ложь про любовь к мужу, которую он, кажется, разгадал. Пришлось позвонить в офис и соврать про внезапную простуду.

Никита зашел в комнату после короткого стука.

— Почему не идешь на работу? — спросил он, вставая рядом с кроватью и скрещивая руки на груди.

— Решила не идти. Отлежусь.

— Милана, что с тобой происходит в последнее время? —

подозрительно посмотрел он. — Ты какая-то не такая, изменилась.

— И что? Чума? — попыталась отшутиться она, пряча глаза.

— Тихая, задумчивая, временами нервная... Ты плачешь ночью, я слышал.

— Хватит! Я просто пошла на работу, и все. Новая обстановка, новые люди. Адаптируюсь, — произнесла она резче, чем хотела. — Ты сегодня ночуешь дома?

— Не знаю... — В глазах мужа появилось мечтательное, виноватое выражение, заставившее ее улыбнуться. — Обещай, что если что-то случится, ты сразу мне скажешь. Не молчи.

— Пока ничего, — солгала она, глядя ему прямо в глаза. — По крайней мере, не сейчас.

Никита поцеловал ее в щеку, уже собирался уходить, но все же спросил, обернувшись в дверях:

— Может, присоединишься к общему празднику хотя бы в этом году? Встретим Новый год вместе, с моими друзьями. Будет весело, я обещаю.

— Нет.

— Милана, прошло уже четыре года. Пойдем со мной. Или давай я хоть дома с тобой останусь, — уговаривал Никита. Он делал это каждый год, и каждый год получал отказ.

— Мне будет хорошо одной, ты знаешь. Иди, не порти себе праздник.

Понедельник был выходным, официально Милана прогуляла два дня. В среду, собрав волю в кулак, она вышла на работу. Как обычно, осмотрела парковку издалека. Машины Максима не было. Что-то сжалось в груди, дыхание перехватило. Она не ожидала от себя такой реакции.

За время праздников и ее прогула накопилось много дел. До обеда разбирала документы, потом нужно было съездить с водителем по госучреждениям. В кафе за обедом коллеги обмолвились, что генеральный директор улетел в Сочи отдыхать. С ума сойти — она боялась ходить на работу, боялась столкнуться с ним в лифте, а он спокойно отдыхает. Интересно, с кем? С той же роскошной брюнеткой?

Водитель, Матвей Кириллович, отвлек ее от невеселых мыслей. Он развлекал Милану смешными историями про Новый год в кругу семьи, и она смеялась от души, впервые за долгое время. Подъезжая к офису, они все еще весело болтали. Матвей вышел, галантно открыл дверь с ее стороны.

На губах Миланы застыла улыбка — и тут она заметила припаркованную рядом черную машину, которую узнает из тысячи. Максим стоял у входа в компании какого-то мужчины, безжалостно, пристально рассматривал ее.

— Добрый день, Максим Андреевич, — вежливо поздоровался Матвей, кивнув.

— Зайдите ко мне в кабинет через десять минут, — резко бросил Максим вместо приветствия, не глядя на водителя, и продолжил разговор со стоящим рядом человеком.

На душе остался неприятный, липкий осадок. За что?

На следующий день — новый сюрприз. В разгар рабочего дня, когда Милана наклонялась над нижней тумбочкой в поисках забытой папки, кто-то бесшумно вошел в кабинет. Спокойный, ледяной голос велел всем выйти. Девушки, не задавая лишних вопросов, пулей вылетели из комнаты. Милана, не веря своим ушам, медленно выпрямилась и обернулась.

Перед ней стоял Максим. В черном свитере, черной кожаной куртке и стильных джинсах — вместо привычных строгих деловых костюмов. Темно-карие глаза казались еще темнее на фоне бледной кожи. Удивительно, что раньше его внешность казалась Милане обычной. Она была интересной, фактурной, художники любят писать такие лица. Плюс мускулистое тело, в силу которого она уже успела убедиться на собственной шкуре. Высокий, под два метра ростом.

— Здравствуйте, — наблюдая за ее реакцией, Максим едва заметно улыбнулся.

— Добрый день, — смущенно ответила она, взяв себя в руки и выпрямив спину. Но физиологию не обманешь — низ живота пульсировал в унисон с бешеным сердцем.

— Как дела? — Вопрос показался двусмысленным, на-смешливым.

— Что? — не поняла она.

— Ты болела, — левый угол его губ пополз вверх. Так сексуально, что у нее подкосились ноги. — Я интересуюсь твоим здоровьем.

— Да. Спасибо. Все хорошо. — Девушка отвернулась к окну, больше не могла на него смотреть.

— И чем же ты болела?

— Простудилась, — солгала она. Затем не удержалась, спросила: — Как вам Сочи?

— Стой спокойно. Милана, посмотри на меня, — его голос стал мягче. — Если хочешь услышать ответ, правильно

сформулируй вопрос. Без «вы».

Она растерялась, закусила губу.

— Я... извините. Это не мое дело, куда вы ездили.

— Милана, такой официальный тон уже совсем не к месту. — Его улыбка была ленивой, расслабленной.

— Хорошо, Максим. — Она собралась с духом. — Я должна идти. Меня ждут документы.

— Снова убегаешь? — Мужчина остановил ее за локоть, на этот раз нежно, почти ласково. — Признаюсь, я не понимаю. Для чего все это? Зачем ты от меня бегаешь, если сама таешь, когда я рядом?

Максим отпустил ее, поднял руки вверх, словно сдаваясь. Но она догадалась, что это только игра. Этот человек никогда не сдается.

— Милана, я хочу тебя кое о чем попросить, — выражение его лица стало серьезным, почти просящим. — Мы работаем вместе, хотим мы того или нет, но нам придется видеться каждый день. Надо научиться нормально общаться. Начнем с совместного обеда сегодня. Я буду вести себя почти образцово, — он снова улыбнулся. — Обещаю.

— Почти? — не удержалась она, чувствуя, как лед между ними начинает таять.

— Да. Могу оставить себе небольшой шанс. На всякий случай. — Милане пришлось улыбнуться в ответ, настолько это было абсурдно. — Мне нравится твоя улыбка. — Мужчина едва коснулся большой горячей рукой ее щеки.

Выражение его глаз менялось, темнело, но он сдержался. Развернулся, снял с вешалки ее пуховик, надел на нее, как на маленькую, и сам застегнул замок. Как куклу. Милана была в легком, приятном шоке. Как он спросил, не давая возможности отказаться?

Глава шестая

Они сидели в черной машине с кожаным салоном цвета кофе с молоком. Милана представила, как они выглядят со стороны: Максим такой уверенный, богатый, весь его облик кричал об изобилии, и она, простушка в синем пуховике, рядом.

— Сколько у вас машин? — ляпнула она, чтобы хоть что-то сказать и разрядить тишину.

— Скажи «у тебя», Милана, — немного раздраженно поправил он, выруливая с парковки. — «У тебя». Повтори и запомни.

— У тебя, — послушно, как ученица, повторила она.

— Легко. Восемь. Мои личные — две, остальные использует компания для разных нужд.

— Мне нравится, это здорово — смутилась Милана очередной ерунде, вылетевшей из ее рта.

— Я рад, — мягко произнес Максим, краем глаза наблюдая за ней.

Он потер нижнюю губу большим пальцем правой руки, слегка улыбнулся своим мыслям. Другой рукой уверенно, одной левой, вел машину в плотном потоке. Чистая эротика для нее. С его стороны — никакого напряжения, только легкость и контроль. Милана же сидела как на иголках, не зная, куда деть руки.

— Мне неловко, — почему-то сказала она вслух, сама испугавшись своей честности.

Максим помолчал, делая вид, что игнорирует ее, но когда она начала нервно ерзать, все же произнес:

— Мы не будем обедать вдвоем. Мне нужно, чтобы там кое-кто был. Я не хочу нарушать обещание.

— Обещание? — не сразу поняла она.

— Быть почти образцовым, — напомнил он, улыбнувшись. — Свидетель мне не мешает сдерживать себя.

— Я заметила, свидетели вам вообще не помеха.

— Есть несколько человек, чье мнение меня волнует. Ты к ним пока не относишься.

Они подъехали к небольшому, уютному, почти домашнему ресторану с прекрасным видом. Был занят только один стол в углу — за ним сидел мужчина с яркой внешностью и пронзительным взглядом. Он смотрел на Милану с веселым, откровенным удивлением. Когда они подошли, мужчина встал, крепко пожал Максиму руку и перевел взгляд на нее.

— Тимур. Милана, — представил их Максим без лишних пояснений.

— Милана? — Тимур как будто прокатил имя на языке, пробуя на вкус. — Красивое. Редкое.

— Милана, — механически повторила она, смутившись.

— Хорошо, Милана. Надеюсь, вы не против сразу на

«ты»? Я ненавижу эти формальности, особенно в компании красивых девушек.

Она покраснела. Тимур излучал доброту, обаяние и какую-то теплую, домашнюю силу. Он был красив, даже с небольшим перебором: серые глаза, пронзительный, гипнотический взгляд. На первый взгляд их с Максимом ничего не связывало, кроме этой внутренней, скрытой силы. Официантка принесла меню в кожаных обложках. Цены не были указаны. Милане стало неудобно — она точно не сможет заплатить по счету, а ей не хотелось, чтобы за нее платил Максим. Мужчины уже быстро сделали заказ и теперь смотрели на нее в ожидании.

— Зеленый чай, — наконец решила она.

— Что-то еще? — вежливо уточнила официантка.

— Все, спасибо. Больше ничего.

Тимур улыбался. Но улыбка медленно сползла с его лица, когда Максим ледяным тоном произнес:

— Милана, если ты сейчас же не закажешь себе нормальную еду, я сделаю это за тебя. И ты будешь есть все, что я выберу.

— Я сейчас, — выдохнула она и, не в силах больше выно-

сильно их взгляды, выбежала из-за стола в сторону туалета.

Там она вцепилась в холодную раковину, опустила голову и закрыла глаза. Когда же это прошлое оставит ее в покое? Когда она сможет спокойно поесть в ресторане, как нормальный человек? Нежные, но сильные руки оторвали ее от поверхности. Она знала, кто это. Физически чувствовала его приближение за секунду до касания. Он повернул ее к себе, поднял подбородок, заставляя смотреть в глаза. Его взгляд дарил неожиданный, желанный покой.

— Что случилось? — спросил Максим спокойно, без тени раздражения.

— Голова кружится, — придумала нейтральное, безопасное объяснение Милана. — Духота.

Он тяжело вздохнул — не поверил, конечно. Некоторое время изучал ее лицо, потом тихо, почти шепотом спросил:

— Милана, чего ты боишься? Скажи мне.

Она не могла объяснить. Он не поймет. Никто не поймет, кроме Никиты, потому что он знает ее с семи лет, знает всю ее подноготную, всю ее историю. Она молчала, опустив глаза. Максим сделал шаг к ней, снова встал за спиной. Его руки легли на плечи, начали массировать — сильно, уверенно, профессионально. Девушка закрыла глаза от удовольствия, от этого предательского кайфа. Тело реагировало мгновенно.

но, плавилось под его пальцами.

— Не надо... — прошептала она.

— ...бояться, когда я рядом, Милана, — его горячее дыхание коснулось ее щеки.

Она открыла глаза. Максим смотрел на нее в зеркало серьезно, без намека на искушение, только забота.

— Успокоилась? — едва слышно спросил он.

— Да, все хорошо, — ее голос прозвучал хрипло.

— Пошли обратно, а то Тимур заскучает.

За столом их уже ждал заказ. Перед Миланой стояли тарелка ароматного супа и свежий салат. Тимур, заметив обручальное кольцо на ее руке, удивленно поднял бровь, перевел взгляд на Максима — тот был невозмутим, как скала.

— Милана, надеюсь, ты удовлетворишь мое любопытство. Бесплезно спрашивать Максима, он нем как рыба. Где он тебя нашел такую?

— Она работает на меня, — опередил с ответом Максим, отрезая кусок мяса.

— Даже так, — улыбнулся Тимур, и в его улыбке промелькнуло что-то неуловимое.

Они ели молча, только стук приборов нарушал тишину. Тимур снова вернулся к вопросам, когда Милана доела суп:

— Милана, тебе нравится работать на Максима?

— Нет, — честно ответила она, вытирая губы салфеткой. Тимур удивленно посмотрел на нее, потом на Максима, потом рассмеялся — громко, искренне.

— Не кажется ли тебе излишним говорить такое своему работодателю в присутствии его друга?

Она пожала плечами, потом перевела взгляд на Максима:

— Ты хочешь слышать правду, даже если она тебе не нравится?

— Я хочу слышать только правду, Милана. Какой бы она ни была, — серьезно ответил Максим, откладывая нож. — И мне показалось, мы уже давно договорились насчет отговорок. Без них.

По ее спине пробежали мурашки. Приятно и горько одновременно. Она столько раз ему врала за эту короткую неделю.

— Милана...

— Тимур, дай ей спокойно поесть, — прервал друга Максим, и он послушно замолчал.

Девушка доела все до последней крошки, пока они пили кофе и говорили о своем — о контрактах, поставках, каких-то общих знакомых. Когда Милана сделала последний глоток чая, Максим сказал: «Нам пора». Они вышли на улицу.

— Было приятно познакомиться, Милана. Думаю, мы еще увидимся, — туманно сказал Тимур, многозначительно посмотрев на Максима.

В машине Максим спросил, не глядя на нее:

— Почему тебе не нравится работать со мной, Милана?

— Слишком много напряжения. Никогда не знаешь, чего от тебя ожидать в следующую минуту, — честно ответила она, давая понять, что их отношения непростые.

Он усмехнулся, оценив ее прямоту.

— Но мне нравится сама работа, — смягчила она свой ответ. — Коллектив, задачи...

— Значит, я мешаю тебе работать? — его смех внезапно стих. — Ты даже не представляешь, как сильно ты мешаешь мне. Ты постоянно в моей голове.

— Забавно, — нервно сказала она.

— Нет, Милана, ничего забавного здесь нет.

— Мне жаль.

Он грустно улыбнулся, но промолчал.

В тишине они доехали до офиса. Максим остановился у крыльца и сразу уехал, не попрощавшись.

«Надеюсь, сегодня я его больше не увижу, — подумала она, поднимаясь по лестнице. — С меня хватит общения на сегодня».

Глава 6

Они сидели в черной машине с кожаным салоном цвета кофе с молоком. Милана представила, как они выглядят со стороны: Максим такой уверенный, богатый, весь его облик кричал об изобилии, и она, простушка в синем пуховике, рядом.

— Сколько у вас машин? — ляпнула она, чтобы хоть что-то сказать и разрядить тишину.

— Скажи «у тебя», Милана, — немного раздраженно поправил он, выруливая с парковки. — «У тебя». Повтори и запомни.

— У тебя, — послушно, как ученица, повторила она.

— Легко. Восемь. Мои личные — две, остальные использует компания для разных нужд.

— Мне нравится, это здорово — смутилась Милана очередной ерунде, вылетевшей из ее рта.

— Я рад, — мягко произнес Максим, краем глаза наблюдая за ней.

Он потер нижнюю губу большим пальцем правой руки, слегка улыбнулся своим мыслям. Другой рукой уверенно, одной левой, вел машину в плотном потоке. Чистая эротика для нее. С его стороны — никакого напряжения, только легкость и контроль. Милана же сидела как на иголках, не зная, куда деть руки.

— Мне неловко, — почему-то сказала она вслух, сама испугавшись своей честности.

Максим помолчал, делая вид, что игнорирует ее, но когда она начала нервно ерзать, все же произнес:

— Мы не будем обедать вдвоем. Мне нужно, чтобы там кое-кто был. Я не хочу нарушать обещание.

— Обещание? — не сразу поняла она.

— Быть почти образцовым, — напомнил он, улыбнувшись. — Свидетель мне не мешает сдерживать себя.

— Я заметила, свидетели вам вообще не помеха.

— Есть несколько человек, чье мнение меня волнует. Ты к ним пока не относишься.

Они подъехали к небольшому, уютному, почти домашнему ресторану с прекрасным видом. Был занят только один

стол в углу — за ним сидел мужчина с яркой внешностью и пронзительным взглядом. Он смотрел на Милану с веселым, откровенным удивлением. Когда они подошли, мужчина встал, крепко пожал Максиму руку и перевел взгляд на нее.

— Тимур. Милана, — представил их Максим без лишних пояснений.

— Милана? — Тимур как будто прокатил имя на языке, пробуя на вкус. — Красивое. Редкое.

— Милана, — механически повторила она, смутившись.

— Хорошо, Милана. Надеюсь, вы не против сразу на «ты»? Я ненавижу эти формальности, особенно в компании красивых девушек.

Она покраснела. Тимур излучал доброту, обаяние и какую-то теплую, домашнюю силу. Он был красив, даже с небольшим перебором: серые глаза, пронзительный, гипнотический взгляд. На первый взгляд их с Максимом ничего не связывало, кроме этой внутренней, скрытой силы. Официантка принесла меню в кожаных обложках. Цены не были указаны. Милане стало неудобно — она точно не сможет заплатить по счету, а ей не хотелось, чтобы за нее платил Максим. Мужчины уже быстро сделали заказ и теперь смотрели

на нее в ожидании.

— Зеленый чай, — наконец решила она.

— Что-то еще? — вежливо уточнила официантка.

— Все, спасибо. Больше ничего.

Тимур улыбался. Но улыбка медленно сползла с его лица, когда Максим ледяным тоном произнес:

— Милана, если ты сейчас же не закажешь себе нормальную еду, я сделаю это за тебя. И ты будешь есть все, что я выберу.

— Я сейчас, — выдохнула она и, не в силах больше выносить их взгляды, выбежала из-за стола в сторону туалета.

Там она вцепилась в холодную раковину, опустила голову и закрыла глаза. Когда же это прошлое оставит ее в покое? Когда она сможет спокойно поесть в ресторане, как нормальный человек? Нежные, но сильные руки оторвали ее от поверхности. Она знала, кто это. Физически чувствовала его приближение за секунду до касания. Он повернул ее к себе, поднял подбородок, заставляя смотреть в глаза. Его взгляд дарил неожиданный, желанный покой.

— Что случилось? — спросил Максим спокойно, без тени

раздражения.

— Голова кружится, — придумала нейтральное, безопасное объяснение Милана. — Духота.

Он тяжело вздохнул — не поверил, конечно. Некоторое время изучал ее лицо, потом тихо, почти шепотом спросил:

— Милана, чего ты боишься? Скажи мне.

Она не могла объяснить. Он не поймет. Никто не поймет, кроме Никиты, потому что он знает ее с семи лет, знает всю ее подноготную, всю ее историю. Она молчала, опустив глаза. Максим сделал шаг к ней, снова встал за спиной. Его руки легли на плечи, начали массировать — сильно, уверенно, профессионально. Девушка закрыла глаза от удовольствия, от этого предательского кайфа. Тело реагировало мгновенно, плавилось под его пальцами.

— Не надо... — прошептала она.

— ...бояться, когда я рядом, Милана, — его горячее дыхание коснулось ее щеки.

Она открыла глаза. Максим смотрел на нее в зеркало серьезно, без намека на искушение, только забота.

— Успокоилась? — едва слышно спросил он.

— Да, все хорошо, — ее голос прозвучал хрипло.

— Пошли обратно, а то Тимур заскучает.

За столом их уже ждал заказ. Перед Миланой стояли тарелка ароматного супа и свежий салат. Тимур, заметив обручальное кольцо на ее руке, удивленно поднял бровь, перевел взгляд на Максима — тот был невозмутим, как скала.

— Милана, надеюсь, ты удовлетворишь мое любопытство. Бесполезно спрашивать Максима, он нем как рыба. Где он тебя нашел такую?

— Она работает на меня, — опередил с ответом Максим, отрезая кусок мяса.

— Даже так, — улыбнулся Тимур, и в его улыбке мелькнуло что-то неуловимое.

Они ели молча, только стук приборов нарушал тишину. Тимур снова вернулся к вопросам, когда Милана доела суп:

— Милана, тебе нравится работать на Максима?

— Нет, — честно ответила она, вытирая губы салфеткой. Тимур удивленно посмотрел на нее, потом на Максима, потом рассмеялся — громко, искренне.

— Не кажется ли тебе излишним говорить такое своему работодателю в присутствии его друга?

Она пожала плечами, потом перевела взгляд на Максима:

— Ты хочешь слышать правду, даже если она тебе не нравится?

— Я хочу слышать только правду, Милана. Какой бы она ни была, — серьезно ответил Максим, откладывая нож. — И мне показалось, мы уже давно договорились насчет отговорок. Без них.

По ее спине пробежали мурашки. Приятно и горько одновременно. Она столько раз ему врала за эту короткую неделю.

— Милана...

— Тимур, дай ей спокойно поесть, — прервал друга Максим, и он послушно замолчал.

Девушка доела все до последней крошки, пока они пили кофе и говорили о своем — о контрактах, поставках, каких-то общих знакомых. Когда Милана сделала последний глоток чая, Максим сказал: «Нам пора». Они вышли на улицу.

— Было приятно познакомиться, Милана. Думаю, мы еще увидимся, — туманно сказал Тимур, многозначительно посмотрев на Максима.

В машине Максим спросил, не глядя на нее:

— Почему тебе не нравится работать на меня, Милана?

— Слишком много напряжения. Не знаешь, чего ожидать от тебя в следующую минуту, — честно ответила она, намекая на их непростые, рваные отношения.

Он усмехнулся ее прямоте.

— Но мне очень нравится сама работа, — добавила она для смягчения. — Коллектив, задачи.

— Получается, я мешаю тебе работать? — его смех резко оборвался. — Ты понятия не имеешь, как сильно ты мешаешь мне работать. Ты в моей голове круглосуточно.

— Забавно получается, — нервно сказала она.

— Нет, Милана, это совсем не забавно.

— Мне жаль.

Он грустно улыбнулся, но ничего не ответил.

В полной, давящей тишине они доехали до офиса. Максим высадил ее у крыльца и тут же уехал, даже не попрощавшись. «Надеюсь, сегодня я его больше не увижу, — подумала она, поднимаясь по лестнице. — Слишком много общения за один день».

Глава 7

В пятницу Милану ждал очередной, очень неприятный сюрприз. Утром нужно было срочно ехать в банк, но она не могла дозвониться Матвею — его телефон был вне зоны доступа. Пришлось ехать с другим водителем, который ей категорически не нравился: он вечно курил в машине и громко слушал шансон. А по возвращении в офис она узнала, что Матвея уволили. Без объяснения причин. Никто не знал, за что. На душе стало отвратительно, тоскливо.

Причина была только одна. И она, хоть и косвенно, была в ней виновата. Почему Максим так поступил? Что Матвей ему сделал? Просто подвез ее до работы и обратно пару раз.

Милана не думала, что ей придется идти к Максиму в кабинет по собственной инициативе. Но она не могла не пойти. Матвею нужна была эта работа — у него трое детей и ипотека.

Начальника не было на месте — он пропал ровно на неделю после их обеда. Но в пятницу, к ее ужасу и облегчению одновременно, черная машина снова стояла на парковке. Час девушка потратила на подготовку, собираясь с духом. Потом подошла к приемной. Каролина, увидев ее, заметно нервничала, перебирая бумаги.

— Привет, не отвлекаю? — спросила Милана.

— Привет, Милана. Немного, — на лице у Каролины читалось легкое удивление и тревога.

— Максим Андреевич на месте?

— Да, но у него сейчас посетители. Он занят, — Каролина растерялась, не зная, пускать или нет.

Все в офисе уже знали об «особом» отношении Максима к Милане. Но никто ничего не спрашивал и не говорил вслух — боялись. Его любили как справедливого и несговорчивого руководителя, но боялись как человека.

— Я зайду позже, — Милана развернулась, чтобы уйти.

Но в этот момент дверь кабинета открылась, и Максим вышел вместе с высокой девушкой. Очень приятной, миловидной блондинкой. Он что-то говорил ей на прощание, улыбаясь. Увидев Милану, остановился.

— Вы ко мне? — его лицо не выражало ни удивления, ни радости.

— Эм... Да. — И снова на лице Максима ни одно эмоции, ничего не изменилось. Сердце Миланы билось где-то в горле.

— Алина, подожди меня в машине, — вручив ключи девушке, он кивком указал Милане на свой кабинет. — Заходи.

В кабинете Максим не сел за стол, а устроился на краю стола, скрестив руки на груди. Ноги в дорогих ботинках скрещены. Расслабленный, опасный.

— Максим Андреевич...

— Ты меня специально дразнишь? — он улыбнулся, но глаза оставались холодными.

— Мне некомфортно на работе.

— Если ты снова назовешь меня по имени-отчеству или повернешься ко мне спиной, я тебя поцелую. И неважно, где это произойдет и кто будет рядом. Тогда тебе действительно будет некомфортно. Я предупреждал. Так что жду приглашения, — улыбка стала расслабленной, сексуальной, опасной.

— Я поняла, — вся ее боевая готовность улетучилась в одно мгновение. Милана выдавила жалкое: — Зачем вы уволили Матвея?

В его лице ничего не изменилось. Та же расслабленная улыбка, тот же прожигающий взгляд. Тишина затянулась на минуту.

— Мне не понравилось ваше общение, — наконец сказал он лениво, как будто речь шла о погоде.

— Это незаконно, — попробовала включить дурака де-
вушка, хотя понимала — это бесполезно.

— Милана, я думал, ты меня лучше узнала, — Максим
прикусил нижнюю губу, сдерживая смех.

— Тебе смешно? — гнев захлестнул почти все чувства.
Почти все — физиологию никто не отменял, и низ живота
предательски ныл. — Вы издеваетесь?

— Нет. Вы пришли уточнить факт увольнения водителя?
— уже серьезно, ледяным тоном спросил он.

— Верните его.

— Нет.

— Максим, пожалуйста! — Милану охватили стыд и оби-
да. — Мне паршиво, что я в этом виновата.

— А представь, как паршиво мне! — Максим подлетел к
ней и застыл в миллиметре от ее лица, перекрывая дыхание.
— Женщина, которая сводит меня с ума, замужем за другим,
спит с другим. И я ничего не могу с этим поделать, потому
что ты сказала, что любишь его. О каком «паршиво» ты го-
воришь? Ты понятия не имеешь, что такое паршиво.

— Просто верни Матвея. Он здесь вообще ни при чем. Он просто водитель.

Милана развернулась и вышла, хлопнув дверью. Он не остановил. Окончание хрупкого перемирия.

В туалете девушка медленно сползла по кафельной стене на пол, закрыла рот рукой и начала истерически смеяться. Сквозь смех потекли слезы — от глупости, от безысходности. Но нельзя изменить прошлое. Нельзя приспособиться к такому настоящему. Милана собрала себя по кусочкам три года назад и не позволит никому разрушить себя снова. Особенно Максиму.

Но тогда почему душу мучают подозрения, что ее построенные стены теряют прочность с каждым днем все быстрее?

Глава 8

Все вернулось на круги своя. Они не общались, только сдержано официально кивали на редких встречах в коридоре. Матвея, правда, вернули на работу через три дня, но Милана больше с ним не ездила — то ли его график изменился и он был вечно занят, то ли она сама подсознательно избегала лишних связей, которые могли разозлить М

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.